

— Фан Цин, — через две чашки чая произнес Жун Цзюэ.

— Ваш слуга здесь.

— Ты знаешь Яо Цина?

Фан Ляочжи слегка пошевелил уголками рта и посмотрел на Жун Цзюэ. Жун Цзюэ смотрел прямо в его глаза и снова сказал:

— Не мути воду, говори правду.

— Яо Цин — это цзиньши тридцатого года Луну, не принятый на службу покойным императором. Через два года его взял к себе князь Гун, он стал стратегом в резиденции принца, — ответил Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ рассмеялся:

— Я спрашиваю, знаешь ли ты его, а не прошу пересказывать его резюме.

Фан Ляочжи с трудом подумал немного и сказал:

— Должно быть... знаю.

— Какой он человек?

— Коварный, жестокий, предсказывает как бог. Как стратег — компетентный, — ответил Фан Ляочжи.

— В то время ты... в то время он признался мне честно, что он шахматная фигура, посланная Жун Мянem ко мне, я не поверил, отправил людей проверять по дороге, и только тогда узнал, что у моего пятого брата рядом есть такой человек. Действительно страшно, мой пятый брат действительно умеет узнавать людей.

Жун Цзюэ громко рассмеялся, пока не рассмеялся до слез, потом тихо сказал:

— Мой отец... почему так предвзят... передал трон человеку, который играет в ладонях у подданных.

Фан Ляочжи подошел к Жун Цзюэ, ладонь легко похлопала его по спине, мягко сказал:

— Поступок Яо Цина таким образом, он и контролирует князя Гуна, и подставляет ваше величество, действительно не поступок благородного мужа. Даже если помогает хозяину взойти на большой трон, тоже никогда не будет терпим хозяином, это не мудро. Покойный император был мудр, знал, что управлять процветающим веком нужен гуманный правитель. Ваше величество, покойный император любил вас, но передача трона вам определенно не только двумя словами «предвзятость».

Жун Цзюэ пристально посмотрел в глаза Фан Ляочжи:

— Я говорил, могу ждать, не могу больше обманывать меня, помнишь?

Фан Ляочжи сказал:

— Помню. Я не смею обманывать тебя, не боюсь смерти, боюсь, что тебе будет грустно.

Жун Цзюэ улыбнулся:

— Хорошо.

Сказав, он взял кисть и стал смотреть доклады.

Фан Ляочжи встал сбоку, тихо сопровождая. Прошел час, и он услышал, как Жун Цзюэ спросил:

— Пропуск сделали?

— Сделали.

— Знаешь, где мои покои?

— Не знаю.

— Тогда после ужина вечером позови Цзю-эра, чтобы он повел тебя помыться.

— О, — Фан Ляочжи ответил, и лицо его мгновенно покраснело.

Лин Чэ уже привык притворяться мертвым, абсолютно без реакции, цвет лица обычный.

Хотя Фан Ляочжи сделал достаточно психологическую подготовку, но когда ступил в покои императора, все еще был довольно шокирован. Покои Чжао Жунцзюэ были очень изящны, но не теряли величия. В переднем зале два ряда высоких до потолка книжных полок из красного сандала, широкое кресло «Ваньфу» поставлено в центре, беззвучно показывая величие хозяина. Во внутреннем зале на высоком ложе с резьбой «Девять драконов» спускается тонкая занавеска, осенний ветер поднимает, словно сон. Цзю-эр вел Фан Ляочжи через внешний зал, внутренний зал, прошел длинный коридор, и прибыл в место, где Чжао Жунцзюэ обычно моется.

Цзю-эр остановился у двери:

— Господин Фан, император внутри ждет тебя.

Фан Ляочжи увидел, что в комнате пар окутывает, мгновенно сердце бешено забилося, медленно вошел, шаг за шагом дошел до бассейна. Спина Чжао Жунцзюэ была голой к нему, за полгода усердной верховой езды и стрельбы тело императора стало сильным, а линии красивыми, Фан Ляочжи смотрел и чуть не перестал дышать.

— Пришел? — Чжао Жунцзюэ встал из бассейна и повернулся.

Весь пейзаж перед глазами, красота человека перед лицом, величие пышное, действительно обычные люди не могут сравнить, Фан Ляочжи смотрел остолбенев, горло быстро глотало, кадык беспрерывно поднимался и опускался, явно трудно терпеть.

— Знаешь ли, что так смотреть на меня — это преступление, наказуемое смертью? — Жун Цзюэ вышел из бассейна и подошел к Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи поспешно опустил голову, щеки уже покраснели насквозь.

Жун Цзюэ положил пальцы на пояс Фан Ляочжи и весело сказал:

— Ты передо мной уже столько раз дерзил, разве боишься еще раз?

Фан Ляочжи поднял глаза, губы уже почти коснулись щеки Жун Цзюэ.

— Цзю-эр не обслужил тебя раздевание? В одежде вошел?

— Нет.

Жун Цзюэ рассмеялся:

— Он тоже достаточно осторожен, не смеет с тебя одежду снимать.

— В прошлый раз ты меня так напугал, когда бил, — сказал Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ вспомнил дело на императорской карете по возвращении во дворец, сразу почувствовал, что Цзю-эр получил ту порку действительно немного зря. За эти дни, когда Фан Ляочжи вошел во дворец, его характер постепенно вернулся к прежнему виду.

Жун Цзюэ сказал:

— Я тебя так много раз бил, а ты всё равно дерзишь.

— Я добровольно, ваше величество, — сказал Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ развязал пояс Фан Ляочжи, протянул руку расстегивать пуговицы на воротнике, но рука была схвачена Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи положил руки Жун Цзюэ себе на талию, сам начал расстегивать пуговицы, расстегнул до самого низа.

Тело уже не было таким слабым, как при первой встрече, кости и мясо ровные, но все еще покрыты шрамами, не красиво. Жун Цзюэ выборочно проигнорировал тот шрам, поднял Фан Ляочжи и пошел к бассейну.

Пар покрыл тела двоих, Фан Ляочжи больше не выдержал, руки обвили талию Жун Цзюэ, он прижался к его губам, кончик языка открыл, губы и зубы прижались.

Жун Цзюэ закрыл глаза, страстно целовался с ним, ладонь гладила по его телу.

— Рана, полученная в прошлый раз, зажила? — Жун Цзюэ тихо спросил.

Фан Ляочжи знал, что он говорит о том времени, когда пытал его «Разрывом кишок»:

— Зажила, не бери в голову.

— Я велел придворному врачу составить лекарство, — Жун Цзюэ приподнялся, взял с края бассейна кусок лекарства размером с большой палец и потянулся к задку Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи сразу почувствовал прохладу, затем под воздействием теплой воды в бассейне было необыкновенно удобно. Чжао Жунцзюэ одним пальцем легко исследовал, другой кончик пальца тер и нажимал. Две ноги Фан Ляочжи непроизвольно обвили талию.

Жун Цзюэ легонько улыбнулся, одной рукой поддерживал Фан Ляочжи, другой рукой продолжил тереть.

Фан Ляочжи и стыдно, и трудно сопротивляться, он изо всех сил обнял Жун Цзюэ и начал тяжело дышать. Жун Цзюэ рассмеялся:

— Так не выдерживаешь шутки? Уже не выдерживаешь?

Сказав, он перевернул Фан Ляочжи и вдоль течения воды вошел.

Фан Ляочжи громко крикнул раз, затем постепенно сознание стало расплывчатым, боль постепенно исчезла, удовольствие становилось все сильнее, он чувствовал, что тело и сознание уже не его.

— Ау, а, — Фан Ляочжи тяжело и постоянно дышал, чувствовал, что вот-вот взберется на пик, Жун Цзюэ вдруг вынул себя, перевернул Фан Ляочжи и жестко поцеловал. Фан Ляочжи сразу почувствовал крайнюю пустоту в теле, в уголках глаз выступили слезы. Жун Цзюэ встал, поднял Фан Ляочжи, запер ему руки за спину и дал его верхней части тела лечь на край бассейна. Фан Ляочжи закричал, волны невыразимого удовольствия приходили, он только хотел потрогать переднюю часть, но руки были туго связаны.

— Ты сейчас гораздо более нетерпелив, чем раньше, — Жун Цзюэ опустил голову, целовал мочку уха Фан Ляочжи и тихо сказал.

— Я... — Фан Ляочжи хотел сказать, но остановился, перед глазами все размыто, каждый удар сзади заставлял его хотеть остановиться, но не мог.

Человек сзади ускорил действия, стоны Фан Ляочжи становились все громче, больше не мог контролировать, в воде бассейна белое пятно растеклось.

Жун Цзюэ приподнял бедра Фан Ляочжи, с силой вошел, все тело дрогнуло, потом он крепко обнял его. Тихо сказал:

— Почему ты стал гораздо менее сдержанным, чем раньше?

Фан Ляочжи был без слов, зная, что Жун Цзюэ только берет его как замену. Он повернулся и поцеловал Жун Цзюэ, целовал долго, потом сказал:

— Я к тебе искренний.

Жун Цзюэ крепко обнял Фан Ляочжи, закрыл глаза и молчал.

— Фан Цин, я тебя спрашиваю, страна и личная любовь, что важнее?

Фан Ляочжи лежал на ложе «Девять драконов», был обвит руками Жун Цзюэ, и слышал, как человек сзади тихо спрашивает на ухо:

— С древних времен книги мудрецов все говорят, что страна важнее, но мудрецы не были императорами, говорить эти слова естественно легко, — Фан Ляочжи рассмеялся.

— На императорском ложе так обсуждать мудрецов, мудрецы скажут, ты большой злодей-министр, — Жун Цзюэ с силой хлопнул по ягодицам Фан Ляочжи, угол губ тянул улыбку.

— Ваше величество, министры под вашим сидением, кто не хочет создать заслуги, рисовать идеалы и амбиции, просить имени в истории книг, они каждый будут уговаривать правителя, но никто не знает страданий правителя. Правитель высоко наверху, но также инструмент для реализации их целей. Жизнь в мире, если любовь закончится, даже если управляешь миром,

какой смысл? — Фан Ляочжи повернулся, и они вдвоем были голы друг напротив друга.

Жун Цзюэ протянул руку, сдернул яркую тонкую одеяло и накрыл их, сказал:

— Твоя смелость действительно достаточно большая.

— Ваше величество, я считаю, с древних времен мудрый правитель без любви, а святой правитель с любовью, — Фан Ляочжи закончил говорить, обнял Жун Цзюэ и страстно поцеловал его на шее.

— Я начинаю немного любить тебя, — Жун Цзюэ пробормотал.

— Спасибо, ваше величество, министр постарается заставить ваше величество любить меня еще больше, — Фан Ляочжи целовал его от шеи всё ниже, дошел до талии и был поднят Жун Цзюэ вверх. — Спи!

— О, — Фан Ляочжи сполз с тела Жун Цзюэ, этот ответ был неохотным.

— Завтра мне еще нужно на утренний прием, — Жун Цзюэ мягко сказал.

— Тогда если я завтра проснусь здесь, вдовствующая императрица и императрица убьют меня?

— Фан Ляочжи рассмеялся.

— Я не знаю. Вообще-то ты не боишься смерти, так что можешь посмотреть, — Жун Цзюэ закрыл глаза и сказал между прочим.

Фан Ляочжи сказал:

— Тогда я все-таки уйду.

Сказав, он хотел встать, но рука была крепко прижата.

<http://bllate.org/book/16817/1564758>